

АРХИТЕКТОР МЕРИДИАНОВ

Подлинная история Жюль Верна

Виктор Истомин

АРХИТЕКТОР МЕРИДИАНОВ
Подлинная история Жюль Верна

«Автор»

2026

Истомин В.

АРХИТЕКТОР МЕРИДИАНОВ Подлинная история Жюль Верна /
В. Истомин — «Автор», 2026

Все знают Жюль Верна как великого мечтателя, подарившего миру капитана Немо и Филеаса Фогга. Но кем он был на самом деле? «Архитектор меридианов» — это захватывающая исповедь от первого лица, раскрывающая подлинную историю человека, который конструировал свои миры с точностью инженера. От холодного чердака в Париже до роскошной палубы собственной яхты, от биржевого маклера до самого издаваемого автора эпохи. Эта книга — не просто сухая биография. Это история о железной воле, прагматичном расчете и неистребимом оптимизме. Вы узнаете о семейных драмах, предательствах и физической боли, которые скрывались за страницами великих романов. Погрузитесь в мир, где запах типографской краски смешивается с соленым морским ветром, и откройте для себя настоящего Жюль Верна.

© Истомин В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Архитектор меридианов	5
Глава 1. Солёный ветер Нанта	7
Глава 2. Пыль юридических фолиантов (1840 – 1847 гг.)	9
Глава 3. Богема и запах кулис (1848 – 1850 гг.)	11
Глава 4. Наука и мечты в библиотеках (1851 – 1855 гг.)	13
Глава 5. Тепло семейного очага и холод биржи (1856 – 1858 гг.)	15
Глава 6. Зов Севера (1859 – 1861 гг.)	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

АРХИТЕКТОР МЕРИДИАНОВ

Подлинная история Жюль Верна

Пролог. Архитектор меридианов

Я медленно провожу ладонью по поверхности старого глобуса. Мои пальцы, на которых навсегда застыли темные, въевшиеся в кожу пятна чернил, скользят по гладкому, покрытому прохладным лаком папье-маше. Я физически осязаю этот мир: вот легкая, едва заметная шероховатость гималайских хребтов, вот бесконечная, безупречно ровная гладь Тихого океана. Под подушечками пальцев пульсируют невидимые меридианы и параллели — строгая, математическая сетка, наброшенная человеческим разумом на дику природы.

В моем кабинете стоит густая, почти осязаемая тишина, нарушаемая лишь тяжелым, ритмичным дыханием напольных часов. «Тик-так, тик-так». Этот звук не пугает меня своей неумолимостью; напротив, в этой механической точности я нахожу глубочайшее успокоение. Время — это не враг, это просто еще одно измерение, которое мы должны научиться измерять и использовать.

Я делаю глоток из фарфоровой чашки. Кофе давно остыл, став обжигающе горьким, с густым, землистым осадком на дне. Этот резкий, терпкий вкус мгновенно проясняет мысли, прогоняя остатки утренней дремоты. Воздух вокруг меня плотный, он пропитан весомыми, основательными ароматами: сухой пылью тысяч книжных страниц, пчелиным воском, которым натерты дубовые полки, резким, кисловатым запахом железистых чернил и едва уловимым, металлическим духом разогретого керосина от моей настольной лампы. Это запах моего личного порта, гавани, из которой я ежедневно отправляюсь туда, куда не ступала нога ни одного исследователя.

Многие из тех, кто приходил в этот кабинет — журналисты, издатели, восторженные читатели, — с нескрываемым удивлением смотрели на меня. Они видели солидного, седого человека в строгом сюртуке, обложенного справочниками, таблицами логарифмов и картами. Они ждали встречи с безумным фантазером, витающим в облаках, а находили скрупулезного инженера текста. Они спрашивали: как можно описать весь земной шар, его недра и даже безвоздушное пространство, сидя за неподвижным деревянным столом?

Но они не понимали главного. Для того чтобы пересечь океан, не обязательно каждый день стоять под ледяными брызгами на палубе. Достаточно знать плотность воды, силу преобладающих ветров, расход кардиффского угля в топках и, самое главное, — верить в то, что человеческий гений способен построить судно, способное выдержать любой шторм. Я всегда предпочитал смотреть на мир без иллюзий, оценивая его суровые законы, но именно в этих строгих рамках физики и механики я всегда видел грандиозные, ослепительные перспективы. Любая преграда — это лишь инженерная задача, ожидающая своего решения. И в каждом вызове стихии я видел триумф грядущего преодоления.

За свою жизнь я отправил в путь десятки экспедиций. Я заставлял своих героев замерзать во льдах, страдать от жажды в раскаленных пустынях, погружаться в давящий мрак океанских впадин. Я проживал вместе с ними каждую секунду их испытаний. Я чувствовал, как судорогой сводит их мышцы, как трескаются на морозе их губы, как едкий пороховой дым забивает их легкие. Но каждый раз, выводя своим пером слово «Конец», я дарил им — и себе — радость победы. Радость возвращения.

Сегодня передо мной лежит совершенно чистый лист бумаги. Его поверхность бела и безупречна, как нетронутые снега Антарктиды. Я провожу по нему рукой, чувствуя легкое сопротивление плотного, качественного хлопка. Стальное перо в моей правой руке кажется

непривычно тяжелым. Сегодня я не буду рассчитывать траекторию полета снаряда к Луне и не стану чертить схему подводного аппарата. Сегодня мне предстоит самая сложная, самая ответственная экспедиция из всех возможных.

Я должен проложить маршрут по архипелагу собственной памяти.

Я собираюсь рассказать вам историю человека, который научился превращать строгие цифры в ревущие паруса, а удушливую пыль юридических фолиантов — в звездную пыль. Это не просто хроника изданных книг или подписанных контрактов. Это история о том, как жажда познания, запертая в четырех стенах, способна взорвать эти стены и вырваться на просторы Вселенной.

Я обмакиваю перо в чернильницу. Густая, темная жидкость собирается на кончике стали блестящей, тяжелой каплей. Чтобы понять, как строятся миры, нужно спуститься к самому их фундаменту. Нужно оставить этот тихий, пахнущий воском кабинет и перенестись туда, где все началось. Не в центр Земли, не на дно Тихого океана. А туда, где пресная речная вода впервые сталкивается с соленой мощью Атлантики. Слушайте внимательно. Слышите? Это кричат чайки. А на губах уже оседает солоноватый, влажный и невероятно свежий вкус ветра. Мы отчаливаем.

Глава 1. Соленый ветер Нанта

Мое начало было положено там, где река встречается с океаном, а строгий порядок закона сталкивается с буйной стихией приключений. Я родился 8 февраля 1828 года в Нанте, на искусственном острове Фейдо, омываемом водами Луары. Если вы хотите понять, кем я стал, вам нужно вдохнуть воздух моего детства. Это был не просто воздух — это был густой, осязаемый коктейль из запахов смоленого каната, влажной древесины, экзотических пряностей, привезенных из дальних колоний, и резкого, бодрящего аромата водорослей, который приносил с собой атлантический прилив.

Мой отец, Пьер Верн, был потомственным юристом. В его кабинете пахло иначе: сухой пылью старинных фолиантов, качественными чернилами и холодным пергаментом. Это был запах стабильности, предсказуемости и непоколебимого долга. Отец был человеком строгих правил, реалистом до мозга костей, считавшим, что жизнь должна строиться на прочном фундаменте профессии и статуса. Моя мать, Софи Аллот де ла Фюи, происходила из семьи бретонских судовладельцев и мореплавателей. В ее жилах текла соленая вода. И этот контраст — между неподвижностью суши и вечным зовом горизонта — стал главным конфликтом и главным двигателем моей жизни. Я всегда искал во всем положительные стороны: строгость отца научила меня дисциплине, без которой невозможно написать десятки романов, а наследие матери подарило мне крылья.

Нант моего детства был невероятным местом. Город-порт, город-ворота в неизведанные миры. Каждое утро я просыпался от криков чаек, которые резкими, гортанными голосами спорили из-за добычи, и от глухого, ритмичного стука деревянных сабо портовых грузчиков по булыжной мостовой. Я подбегал к окну, и мои глаза жадно впитывали картину, которая никогда не могла мне наскучить: лес корабельных мачт. Они покачивались на фоне серого бретонского неба, словно гигантские деревья в диковинном лесу. Я видел, как надуваются тяжелые холщовые паруса, слышал, как со скрипом натягиваются снасти — этот звук отдавался дрожью где-то в солнечном сплетении.

Мы с моим младшим братом Полем могли часами пропадать в порту. Мы трогали шершавые борта кораблей, покрытые ракушками, вдыхали сладковатый аромат сахара-сырца и кофе, выгружаемых из трюмов судов, прибывших с Антильских островов. Мы общались с матросами — людьми с обветренными, дублеными лицами, чья кожа на ощупь напоминала старую кожу, а в глазах отражалась синева всех океанов мира. Их рассказы о штормах, пиратах и тропических островах будоражили мое воображение. Мир казался огромным, полным тайн, и я твердо знал, что однажды отправлюсь исследовать его. Я верил, что за горизонтом нет ничего невозможного, нужно лишь набраться смелости и сделать шаг на палубу.

Мне было одиннадцать лет. Шел 1839 год. Возраст, когда кровь кипит, а сердце требует подвигов, особенно если оно поражено первой, наивной и оттого невероятно сильной любовью. Моей избранницей стала кузина Каролина. Я смотрел на ее светлые кудри и мечтал бросить к ее ногам все сокровища мира. Но где их взять мальчишке в Нанте? Ответ подсказали портовые легенды. Я пообещал ей привезти коралловое ожерелье из самой Индии. И это не было пустой бравадой. Я был решителен и прагматичен в своем романтическом порыве.

Я разработал план побега с тщательностью, которая позже пригодится мне при конструировании сюжетов. В порту готовилась к отплытию трехмачтовая шхуна «Корали» — идеальное название для корабля, который должен был принести кораллы! Я договорился с юнгой, отдал ему свои скромные сбережения и ранним утром, когда туман еще плотным влажным одеялом лежал на водах Луары, пробрался на борт.

О, это непередаваемое чувство, когда твои ноги касаются палубы корабля, готового к отплытию! Дерево мягко пружинило подо мной. Я спрятался в темном, тесном трюме. Там

пахло дегтем, сыростью и солониной. Было темно, жестко и холодно, но внутри меня горел огонь восторга. Я слышал, как наверху топчут матросы, как с лязгом выбирают якорную цепь. Корабль дрогнул, вода зажурчала за бортом. Мы отчалили. Я плыл! Я физически ощущал, как Нант, школа, строгий отец — все это остается позади, растворяясь в тумане. Впереди была Индия.

Но реальность, как это часто бывает, внесла свои коррективы. Отсутствие мое быстро обнаружили. Отец, человек действия, не стал терять ни минуты. Наняв паровой катер — чудо техники, которое я тогда еще не умел ценить по достоинству, — он пустился в погоню. «Корали» должна была сделать остановку в Пембёфе, небольшом порту в устье реки, прежде чем выйти в открытый океан. Именно там, в трюме, среди канатов и бочонков, меня и нашли.

Я помню этот момент до мельчайших деталей. Резкий свет фонаря, ударивший по глазам, привыкшим к мраку. Тяжелая рука отца, крепко, до синяков, сжавшая мое плечо. Я ожидал крика, но отец был пугающе спокоен. Его молчание оглушало сильнее штормового ветра. Меня с позором спустили на берег. На губах я чувствовал горько-соленый вкус — и это были не брызги океана, а мои собственные слезы. Слезы жгучего разочарования и краха великой мечты.

Путь домой был ужасен. Я получил суровое наказание. Боль от порки быстро прошла, но моральный урок впечатался в память навсегда. Вечером, сидя в своей комнате, чувствуя, как горят щеки от стыда, я дал матери клятву, которую отец заставил меня произнести вслух: «Отныне я буду путешествовать только в своих фантазиях».

Тогда, в одиннадцать лет, мне казалось это приговором. Концом моей жизни как исследователя. Но сейчас, оглядываясь назад с высоты прожитых лет, я понимаю, что этот момент стал самым большим подарком судьбы. Отец, сам того не ведая, запер меня не в комнате — он запер меня в безграничном пространстве моего собственного разума.

Я понял важную вещь: физическое путешествие ограничено маршрутом корабля, капризами погоды и запасами провизии. Путешествие же силой мысли не имеет границ. Я могу опуститься на дно океанов, взлетать к звездам, пробираться сквозь джунгли и льды, не покидая своего кресла. Моя фантазия стала моим самым надежным судном, а знания, которые я начал жадно впитывать из книг — его парусами. Я не перестал любить путешествия, нет. Я просто нашел способ сделать их абсолютно безопасными, безусловно точными и доступными для миллионов людей. Тот соленый ветер Нанта, который я вдохнул в детстве, навсегда остался в моих легких, но выдыхать я его начал на страницы своих будущих книг. Так закончилось мое первое реальное плавание и началась подготовка к самым необыкновенным путешествиям в истории человечества.

Глава 2. Пыль юридических фолиантов (1840 – 1847 гг.)

После моего неудачного побега на шхуне «Корали» жизнь в Нанте, казалось, вошла в строгое, раз и навсегда очерченное русло. Мой отец, Пьер Верн, добился своего: океанские просторы были надежно заперты на замок, а ключом от этого замка стал тяжелый, обитый потертой кожей том Гражданского кодекса. Шли годы. Из мечтательного одиннадцатилетнего мальчишки я превращался в юношу, и каждый мой день теперь был подчинен неумолимому ритму подготовки к юридической карьере. Это был путь, проложенный для меня поколениями предков, и свернуть с него считалось немыслимым.

Я помню этот запах — сухой, удушливый, въедающийся в одежду и, казалось, в саму кожу. Это был запах старой бумаги, высохших чернил, мышиного помета и книжной пыли, которая танцевала в редких лучах солнца, пробивавшихся сквозь узкие окна отцовского кабинета. Мы с братом Полем часами сидели за массивным дубовым столом, поверхность которого была испещрена царапинами — следами усердия десятков клерков. Мои пальцы постоянно были испачканы въевшимися чернилами, а на среднем пальце правой руки образовалась твердая, болезненная мозоль от тяжелого гусиного пера. Я переписывал контракты, изучал прецеденты, заучивал наизусть скучнейшие параграфы римского права. Текст перед глазами сливался в серую, безжизненную массу. На ощупь страницы старых фолиантов напоминали сухие осенние листья, готовые рассыпаться в прах при малейшем неосторожном движении.

Но даже в этой атмосфере строжайшей дисциплины и унылой зубрежки я находил свои поводы для радости. Мой разум, лишенный возможности путешествовать в пространстве, начал путешествовать во времени и вымышленных мирах. Когда отец отворачивался, я отодвигал в сторону скучные трактаты и на обрывках бумаги, тайком принесенных из комнаты, начинал выводить совсем другие строки. Это были стихи. Ритмичные, звонкие, полные страсти и юношеского максимализма. Я физически ощущал, как меняется мое дыхание, когда вместо сухого юридического канцелярита из-под моего пера рождались рифмы. Вкус этих тайных минут был сладок, как запретный плод. Я писал сонеты, трагедии, набрасывал сюжеты пьес. Бумага терпела все, и на этих маленьких белых островках я был абсолютным монархом, творцом собственных вселенных.

Мне исполнилось девятнадцать лет. Наступил 1847 год — время, когда мне предстояло сделать решающий шаг на пути к адвокатской мантии. Отец принял решение: я должен отправиться в Париж, чтобы сдать экзамены за первый курс юридического факультета.

Сборы были недолгими, но ожидание поездки будоражило кровь. Я помню раннее утро отъезда. Холодный, пронизывающий ветер с Луары щипал щеки. Громыканье колес почтового дилижанса по булыжной мостовой отдавалось гулом в ушах, но для меня это была самая прекрасная музыка — музыка движения. Я сидел у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрел, как исчезают вдали знакомые шпили Нанта. С каждым лье, отделявшим меня от родного дома, дышать становилось все легче. Я предвкушал встречу не с экзаменаторами, а со столицей мира.

И вот, наконец, Париж. Контраст был ошеломляющим. После размеренного, строгого, пропитанного запахом водорослей и конторских книг Нанта, столица обрушилась на меня лавиной звуков, красок и ароматов. Это было настоящее сенсорное потрясение.

Выйдя из дилижанса, я жадно вдохнул парижский воздух. В нем не было соли океана, зато он был напоен ароматами свежеспеченного хлеба из бесчисленных булочных, крепкого кофе, жареных каштанов, терпкого табака и сладковатых духов, шлейфом тянувшихся за нарядно одетыми дамами. Улицы кипели жизнью. Грохот omnibusов, цокот копыт, крики разносчиков газет, смех и обрывки разговоров на десятках языков — эта симфония большого города оглу-

шала и одновременно вселяла невероятный оптимизм. Я чувствовал себя крошечной песчинкой в этом водовороте, но песчинкой, которая наконец-то попала в свою стихию.

Я снял крошечную, дешевую комнатку под самой крышей. Там было холодно, сквозняки гуляли по полу, а из мебели имелись лишь узкая кровать, хромой стул и стол. Но из маленького чердачного окна открывался вид на море черепичных крыш и шпили соборов, устремленные в серовато-голубое небо. Я прикасался к холодной черепице за окном и чувствовал пульс этого великого города.

Днем я, как послушный сын, исправно посещал лекции на юридическом факультете. Я слушал монотонные голоса профессоров, конспектировал лекции, подавляя зевоту. Вкус этих занятий был пресным, как зачерствевшая корка хлеба. Но я знал, что должен выполнить свой долг. Я всегда верил, что любой опыт, даже самый тягостный, в конечном итоге приносит пользу. Строгая логика юриспруденции, умение выстраивать причинно-следственные связи, внимание к мельчайшим деталям — все это, сам того не подозревая, я аккумулировал в себе. Позже этот въедливый, почти судебный подход к фактам станет основой моего литературного метода. Я научусь делать фантастику пугающе реалистичной.

Но как только заканчивались занятия, начиналась моя настоящая жизнь. Я сбрасывал с себя невидимый груз отцовских ожиданий и с головой погружался в атмосферу богемного Парижа. Я бродил по узким улочкам Латинского квартала, заглядывал в книжные лавки, где жадно вдыхал запах свежей типографской краски — аромат, который казался мне привлекательнее любых благовоний. Я тратил свои скудные сбережения не на еду, а на билеты в театр.

О, эти парижские театры! Я забирался на самую галерку, где было душно, пахло потом и дешевой пудрой, но где царила истинная страсть. Я впивался глазами в освещенную рампой сцену. Я слышал шорох бархатных кулис, видел блеск бутафорских шпаг, ловил каждое слово актеров. В эти моменты мое сердце колотилось так сильно, что, казалось, готово было вырваться из груди. Я смотрел на сцену и твердо знал: мое место не в зале суда, среди сухих параграфов обвинений и защит. Мое место здесь, в мире, где человеческие эмоции, страсти и мечты обретают плоть и кровь.

Экзамены за первый курс я сдал успешно. Я отправил отцу в Нант письмо, полное почтительных заверений в своих успехах на ниве права. Но в чемодане, который я собирал для возвращения домой на каникулы, под толстыми томами сводов законов, были надежно спрятаны исписанные мелким, летящим почерком листы. Это были наброски моих первых драм. Внутри меня зрела буря, куда более мощная, чем те, что бушевали у берегов Бретани. Я возвращался в Нант юристом по документам, но писателем по призванию. И я был полон решимости доказать всему миру, и прежде всего самому себе, что моя фантазия способна проложить маршрут к успеху вернее, чем любой компас.

Глава 3. Богема и запах кулис (1848 – 1850 гг.)

Я вернулся в Париж в 1848 году. Мне только что исполнилось двадцать лет — возраст, когда кажется, что весь мир лежит у твоих ног, даже если твои собственные ботинки просят каши. И мир, надо сказать, встретил меня отнюдь не ласково. Столица кипела. Февральская революция разорвала привычную ткань городской жизни.

Я помню этот воздух, густой и едкий. В нем больше не было аромата свежей выпечки и сладких духов; Париж пропах порохом, дымом костров и горячей древесиной. На улицах выросли баррикады — хаотичные, уродливые горы из вывороченной брусчатки, поваленных деревьев, перевернутых телег и старой мебели. Я прикасался к этим холодным, шершавым камням, вырванным из мостовой, и чувствовал, как под моими пальцами пульсирует сама история. Грохот ружейных выстрелов эхом разносился по узким переулкам, заставляя вздрагивать и инстинктивно втягивать голову в плечи. Звон разбитого стекла смешивался с криками толпы и маршами Национальной гвардии. Это было пугающее, но в то же время невероятно завораживающее зрелище. Будучи реалистом, я понимал всю опасность уличных боев и старался держаться подальше от шальных пуль, но как писатель я жадно впитывал каждую деталь, каждое искаженное гневом или восторгом лицо. Я видел, как рушатся старые порядки, и верил, что за этим хаосом обязательно последует обновление. Мой природный оптимизм не позволял мне поддаваться унынию даже в самые темные дни.

Мое жилище в ту пору представляло собой жалкое зрелище. Я снимал крошечную мансарду вместе со своим другом Эдуаром Бонами. Комнатушка была настолько мала, что мы с трудом расходились в ней, а скошенный потолок заставлял постоянно сутулиться. Зимой там стоял собачий холод. Я помню физическое ощущение ледяного сквозняка, который пробирался под тонкое одеяло, заставляя зубы выбивать мелкую дробь. Мы спали в одежде, натянув на себя все, что было в нашем скудном гардеробе. Утром вода в кувшине для умывания покрывалась тонкой, хрустящей корочкой льда, и умывание превращалось в настоящую пытку, обжигающую кожу холодом.

Денег катастрофически не хватало. Отец присылал мне ровно столько, чтобы я мог оплачивать учебу на юридическом факультете и не умереть с голоду, но ни су больше. Он надеялся, что спартанские условия выбьют из меня дурь и заставят сосредоточиться на кодексах. Как же он ошибался! Голод лишь обострял мои чувства. Я до сих пор помню вкус того дешевого, жидкого кофе, щедро разбавленного цикорием, которым я обманывал пустой желудок. Он был горьким, оставлял на языке неприятный землистый осадок, но обжигал горло и давал кратковременную иллюзию сытости. Мы с Эдуаром делили один черствый багет на двоих, и его жесткая корка царапала нёбо. Но даже пережевывая этот скудный паек, мы смеялись. Мы были молоды, мы были в Париже, и мы верили в свое предназначение. Я всегда умел находить светлые стороны: отсутствие денег на развлечения заставляло меня больше времени проводить за письменным столом.

Мой стол — шаткий, сколоченный из грубых досок — стал моим алтарем. Я продолжал исправно посещать лекции по праву, терпел душливый запах пыльных аудиторий и монотонный гул профессорских голосов, но по вечерам, при тусклом, мерцающем свете огарка свечи, я преображался. Мои пальцы, перепачканные дешевыми чернилами, с остервенением скрипели пером по грубой, шероховатой бумаге. Я писал пьесы. Комедии, драмы, водевили. Я конструировал сюжеты с той же математической точностью, с какой позже буду рассчитывать траекторию полета на Луну.

Моим проводником в мир настоящей литературы стал дядя Шатобур. Он ввел меня в парижские литературные салоны. О, этот разительный контраст с моей ледяной мансардой! В салонах пахло дорогим воском, табаком тончайшей нарезки и изысканными духами. Свет

хрустальных люстр мягко отражался в зеркалах, шелк женских платьев приятно шуршал, а в воздухе стоял непрерывный гул светских бесед. Я стоял в углу, сжимая в потной руке бокал с шампанским — его сладковатый, искрящийся вкус казался мне вкусом самой жизни, — и наблюдал. Я слушал, как говорят эти люди, как они двигаются, как скрывают свои истинные эмоции за вежливыми улыбками. Это была моя школа человеческих характеров.

Именно в одном из таких салонов в 1849 году, когда мне пробил двадцать один год, произошло событие, определившее мою судьбу. Я познакомился с Александром Дюма-отцом.

Встреча с ним была подобна столкновению с ураганом. Дюма был огромен, громогласен и невероятно энергичен. От него пахло дорогими сигарами, жареным мясом и каким-то неукротимым, животным жизнелюбием. Когда он пожимал мне руку, его широкая, горячая ладонь чуть не раздробила мне кости. Я робел перед этим литературным титаном, но моя дерзость взяла верх. Я набрался смелости и показал ему рукопись своей комедии «Сломанные соломинки».

Ожидание вердикта было мучительным. Я физически ощущал, как тяжело бьется сердце о ребра, как пересыхает во рту, оставляя привкус меди. Но Дюма, этот гениальный и щедрый человек, не просто прочитал пьесу. Он рассмеялся своим раскатистым, заразительным смехом, похлопал меня по плечу так, что я едва устоял на ногах, и сказал: «А в этом что-то есть, мой мальчик!».

Он взял меня под свое крыло. Я начал работать вместе с его сыном, Александром Дюма-младшим, с которым мы быстро сдружились. И вот, наконец, настал тот день, ради которого я терпел холод, голод и отцовские упреки. 12 июня 1850 года. Мне двадцать два. В «Историческом театре», принадлежавшем Дюма, состоялась премьера «Сломанных соломинок».

Я стоял за кулисами, и меня била крупная дрожь. Воздух здесь был спертый, он пах пылью веков, горячим маслом от газовых рожков, которые освещали сцену, и едким запахом театрального грима. Я слышал глухой гул зрительного зала, шуршание программ, покашливание публики. Это был звук живого, многоголового чудовища, которое могло как вознести тебя на вершину, так и растоптать.

Раздались три традиционных удара. Тяжелый бархатный занавес, издав мягкий, шелестящий звук, пополз вверх. В лицо ударил жар от рамп. Я закрыл глаза и вслушивался в каждую реплику актеров, ловил каждую паузу. И вдруг — смех в зале. Сначала робкий, затем все более уверенный. А потом, после финальной сцены — шквал аплодисментов. Этот звук обрушился на меня, как теплый летний ливень. Он оглушал, он пьянил. Я вышел на поклоны, ослепленный светом, чувствуя, как по щекам текут горячие слезы. Вкус этих слез был совершенно иным, чем тогда, в детстве, на палубе «Корали». Это был вкус абсолютной, чистой победы.

Пьеса выдержала двенадцать представлений и даже была издана отдельной брошюрой. Я держал в руках тонкую книжицу, гладил кончиками пальцев свежую типографскую краску, которая еще немного пачкалась, и вдыхал ее ни с чем не сравнимый аромат. Аромат моего первого настоящего успеха.

Конечно, гонорар был мизерным. Отец, узнав о моей театральной эскападе, пришел в ярость и пригрозил полностью лишить меня содержания, требуя немедленно возвращаться в Нант и открывать адвокатскую контору. Запах юридических фолиантов снова попытался задушить меня своими щупальцами. Но теперь все изменилось. Я вдохнул воздух кулис, я попробовал на вкус зрительский восторг. Я сдал выпускные экзамены и получил диплом юриста, чтобы формально выполнить долг перед семьей, но мое решение было твердым, как гранит. Я написал отцу письмо, в котором вежливо, но непреклонно заявил, что остаюсь в Париже. Я понимал, что впереди меня ждут годы лишений, тяжелого труда и неопределенности. Но я был готов к этому. Я стоял на пороге своей настоящей жизни, и компас моей судьбы, наконец-то, указывал верное направление.

Глава 4. Наука и мечты в библиотеках (1851 – 1855 гг.)

Отказ от юридической карьеры и финансовой поддержки отца стал моим Рубиконом. Я остался в Париже, имея в кармане диплом, который не собирался использовать, и голову, полную амбициозных, но пока еще туманных планов. Мне было двадцать три года, шел 1851 год. Голод, этот безжалостный кредитор богемы, начал стучаться в дверь моей мансарды с пугающей регулярностью.

Чтобы хоть как-то сводить концы с концами, я брался за любую работу. Я давал частные уроки права студентам, которые, в отличие от меня, мечтали о судейских мантиях. Я писал мелкие статьи для грошовых журналов. Но настоящим спасением стало предложение Жюля Севеста, нового директора «Исторического театра», занять должность секретаря.

Жалованье было крошечным, но работа давала главное — причастность к миру искусства и свободное время. Мой кабинет находился в недрах театра. Там пахло застарелой пылью и дешевым сургучом, которым я опечатывал корреспонденцию. Я сидел за колченогим столом, слушал приглушенные стенами звуки репетиций и методично перебирал бумаги. Эта рутина не тяготила меня. Напротив, она дисциплинировала. Я, реалист по натуре, понимал: чтобы летать в облаках фантазии, нужно иметь твердую опору под ногами.

Но истинным моим храмом в те годы стал не театр, а Национальная библиотека. Как только у меня выдавалась свободная минута, я бежал туда. Я помню этот контраст: шумные, грязные улицы Парижа с их резкими запахами конского навоза и гниющих овощей, и затем — монументальная тишина читальных залов. Воздух здесь был особенным. Он казался плотным, почти осязаемым, пропитанным ароматом старой кожи переплетов, сухой бумаги и едва уловимым запахом пчелиного воска, которым натирали массивные дубовые столы.

Я садился на жесткий стул, проводил рукой по прохладной гладкой поверхности стола и чувствовал, как меня охватывает священный трепет. Здесь, среди миллионов томов, было собрано все знание человечества. И я начал жадно, почти маниакально его впитывать.

Мои интересы сместились. Театральные интриги и любовные драмы, которыми я увлекался раньше, вдруг показались мне мелкими и пресными. Мое воображение захватила наука. Я читал все подряд: труды по географии, физике, астрономии, механике. Я изучал карты неведомых земель с таким же тщанием, с каким ювелир изучает грани алмаза. Я водил пальцем по извилистым линиям рек Африки и Южной Америки, чувствуя под подушечками шероховатость плотной бумаги, и в моем сознании эти линии превращались в ревущие потоки, окруженные непроходимыми джунглями.

В библиотеке я познакомился с Жаком Араго, слепым путешественником и писателем. Встречи с ним стали для меня откровением. Он не мог видеть мир физически, но его внутренний взор был зорче, чем у многих зрячих. Я сидел рядом с ним, слушал его тихий, хрипловатый голос, вдыхал терпкий запах его трубочного табака и словно сам переносился в те края, о которых он рассказывал. Он описывал палящее солнце пустыни так живо, что я физически ощущал жар на своей коже; он говорил о штормах в океане, и мне казалось, что я чувствую на губах вкус соленых брызг. Араго научил меня главному: чтобы описать путешествие, не обязательно совершать его самому, достаточно обладать знаниями и силой воображения.

Мой мозг работал как гигантская губка. Я начал делать выписки. Сотни, тысячи карточек, заполненных мелким убористым почерком. Факты, цифры, описания флоры и фауны, технические характеристики машин. Моя комната превратилась в картотеку, где пахло дешевыми чернилами и бумажной пылью.

В 1851 году в журнале «Мюзе де фамий» («Семейный музей»), который редактировал мой друг Питр-Шевалие, был опубликован мой первый рассказ — «Первые корабли мексиканского флота». Это была еще не фантастика, а скорее историко-приключенческий очерк,

но в нем уже проявился мой фирменный стиль: тщательная проработка деталей и опора на реальные факты. Я помню, как держал в руках свежий номер журнала. Бумага была тонкой, газетной, она оставляла на пальцах серый след типографской краски. Я вдыхал этот резкий, химический запах, и он казался мне слаще аромата самых изысканных роз. Это был запах материализованной мечты.

Затем последовали «Драма в воздухе» (1851), «Зимовка во льдах» (1855). В этих ранних произведениях я нащупывал свой путь. Я пытался соединить строгую, сухую науку с захватывающим сюжетом. Я хотел, чтобы читатель не просто следил за приключениями героев, но и познавал мир, изучал физику, географию, химию.

Это было трудное время. Денег по-прежнему катастрофически не хватало. Я часто ложился спать голодным, чувствуя сосущую пустоту в желудке. У меня начались проблемы со здоровьем — нервное истощение и спазмы лицевых мышц, которые доставляли физическую боль и искажали лицо. Но моя вера в то, что я на правильном пути, не давала мне сдаться. Я находил радость в самом процессе познания.

Каждое утро, просыпаясь в своей холодной комнате, я видел перед собой не обшарпанные стены, а бескрайние просторы океанов, заснеженные вершины гор и таинственные глубины космоса. Я знал, что однажды смогу перенести эти миры на бумагу так, что в них поверит каждый. Я только учился строить свои литературные корабли, но чертежи уже были готовы, и я скрупулезно, день за днем, подбирал для них самый прочный материал — знания.

Глава 5. Тепло семейного очага и холод биржи (1856 – 1858 гг.)

К весне 1856 года моя парижская жизнь начала приобретать привкус застоявшейся воды. Мне исполнилось двадцать восемь лет. Возраст, когда юношеские иллюзии неизбежно сталкиваются с жесткой фактурой бытия. Моя комната под крышей по-прежнему дышала сыростью, а по утрам я просыпался с ощущением свинцовой тяжести в мышцах и ноющим спазмом в лицевых нервах — физическим проявлением постоянного нервного напряжения и банального недоедания. Запах дешевого табака и пыльных театральных кулис, некогда казавшийся мне ароматом свободы, теперь оседал в легких горькой усталости. Я писал много, исписывая стопки шероховатой бумаги, от которой на подушечках пальцев оставались мелкие, зудящие порезы, но настоящая слава и финансовая независимость оставались миражами на линии горизонта, к которым я стремился, но никак не мог приблизиться.

В мае того же года почтальон принес мне письмо. Плотный конверт пах сургучом и почему-то цветущей липой. Это было приглашение от моего друга Огюста Леларжа приехать в Амьен на его свадьбу. Сначала я хотел отказаться. Мой единственный приличный сюртук лоснился на локтях, а в карманах гулял сквозняк. Но какая-то неведомая сила, внутренний голос, всегда толкавший меня навстречу новому опыту, заставил меня собрать свой скудный саквояж.

Поездка на поезде стала первым глотком свежего воздуха. Я обожал железные дороги. Ритмичный, металлический перестук колес на стыках рельсов отдавался в груди ровным, успокаивающим пульсом. Я высовывался в открытое окно вагона, и в лицо мне ударял тугий поток ветра, пахнувший угольным дымом, разогретым металлом и влажной землей пробуждающихся полей. Скорость опьяняла, она выдувала из головы парижскую хандру, оставляя лишь звенящую ясность.

Амьен встретил меня совершенно иной атмосферой. Это был тихий, основательный провинциальный город. Здесь не было парижской суеты, воздух был густым, тягучим, напоенным ароматами свежеевыпеченного сдобного хлеба, цветущих садов и спокойной, размеренной жизни. Свадебные торжества оглушили меня звоном хрустальных бокалов, шуршанием тяжелых шелковых платьев и вкусом настоящего, выдержанного вина, которое мягким теплом разливалось по пищеводу, контрастируя с привычной мне кислой бургундской бурдой.

Именно в этой круговерти лиц, звуков и запахов я увидел ее. Онорина де Виан Морель. Ей было двадцать шесть лет, она была молодой вдовой и матерью двух маленьких дочерей, Валентины и Сюзанны. Я помню момент нашего знакомства с пугающей отчетливостью, словно это произошло секунду назад. Когда нас представили, она протянула мне руку. Я коснулся губами ее кожи — она была удивительно теплой, мягкой, с едва уловимым ароматом лаванды и чего-то неуловимо домашнего, уютного. Я поднял глаза и встретился с ее взглядом. В ее темных глазах пряталась легкая грусть пережитых потерь, но губы тронула такая светлая, искренняя и живая улыбка, что в моей груди словно лопнула туго натянутая струна.

В тот вечер я танцевал с ней. Я чувствовал под ладонью податливый бархат ее платья, слышал ее тихий, грудной смех, который звучал для меня прекраснее любой театральной симфонии. Вкус моего одиночества, долгие годы преследовавший меня в холодной парижской мансарде, внезапно исчез, смытый волной нежности. Я смотрел на нее, на то, как она поправляет волосы непослушным дочерям, и понимал: вот она, моя гавань. Мой внутренний компас, всегда искавший верное направление, дрогнул и замер, указывая прямо на Онорину. Я всегда умел видеть скрытые возможности и верил в лучшее, и в этот момент я ясно осознал, что моя жизнь должна немедленно измениться.

Но я был человеком практического склада. Я понимал, что любовь не может питаться одними лишь стихами и театральными рецензиями. Чтобы взять на себя ответственность за Онорину и ее девочек, мне нужен был прочный фундамент. Я не мог привести их в свою холодную каморку. Мне нужны были деньги, стабильный и солидный доход. И я принял решение, которое многим моим богемным друзьям показалось бы предательством идеалов. Я решил стать биржевым маклером.

Это потребовало огромных усилий и смирения. Я написал отцу в Нант, прося ссуду в пятьдесят тысяч франков для покупки пая в маклерской конторе Фернана Эггли. Я помню, как дрожало перо в моей руке, когда я выводил эти строки, как капли пота выступали на лбу от напряжения. Но отец, увидев в моем решении долгожданное возвращение к благоразумию, согласился.

10 января 1857 года мы с Онориной обвенчались. В тот день в церкви стоял запах тающего воска и ладана. Когда я надевал на ее палец гладкое, прохладное золотое кольцо, я почувствовал, как ее пальцы крепко сжали мою руку. В этом пожатии была вера в меня, и я поклялся себе, что никогда ее не предам.

Так началась моя двойная жизнь. Жизнь, сотканная из острейших контрастов. Каждое утро я надевал жесткий, накрахмаленный воротничок, который немилосердно натирал шею, застегивал строгий сюртук и отправлялся во Дворец Броньяр — на Парижскую биржу.

Биржа была адом, воплощенным в камне и золоте. Когда я переступал ее порог, на меня обрушивалась физически осязаемая стена звука. Это был нестройный, оглушающий рев сотен глоток: маклеры кричали, размахивали руками, заключали сделки. Воздух здесь был спертый, он пах кислым потом мужских тел, дорогими сигарами, дешевым алкоголем и едкой, металлической пылью. Я брал в руки монеты и векселя, и их холодный, мертвый вес оттягивал карманы. На губах постоянно присутствовал горьковато-медный привкус стресса и чужой алчности. Я ненавидел эту суету, это бессмысленное переключивание цифр.

Но даже в этом хаосе я умел извлекать пользу. Я заставлял себя смотреть глубже. За сухими колонками цифр, за выкриками о падении акций я видел реальный мир. Я видел, как хлопок плывет из Индии, как уголь добывается в шахтах Англии, как строятся новые железные дороги в Америке. Биржа стала для меня гигантской картой мира, где финансовые потоки заменяли океанские течения. Я общался с дельцами, инженерами, директорами компаний. Я впитывал их прагматичный язык, точность их расчетов, понимание механизмов мировой торговли. Этот холодный, жесткий опыт навсегда избавил мои будущие романы от наивной оторванности от реальности. Мои фантазии обрели стальной каркас достоверности.

А чтобы выжить духовно, я создал свой собственный ритуал. Я просыпался в пять часов утра, когда Париж еще спал глубоким, темным сном. В доме стояла абсолютная тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем напольных часов. Я чиркал спичкой — резкий серный запах бил в нос, — и зажигал масляную лампу. Мягкий желтоватый свет ложился на чистый лист бумаги. Я брал перо, и в эти утренние часы, с пяти до десяти, я принадлежал только себе. Я погружался в изучение географии, физики, делал бесконечные выписки, конструировал сюжеты. Тихий скрип пера по бумаге был для меня самой сладкой музыкой, исцеляющей душу после биржевой какофонии.

К десяти часам я закрывал тетради, целовал теплую, сонную Онорину, вдыхал родной запах ее волос и отправлялся в ревущую пасть биржи. Было невероятно тяжело. Глаза слезились от недосыпа, спина ныла от многочасового сидения за столом, а мозг разрывался между котировками акций и траекториями выдуманных полетов. Но каждый вечер, возвращаясь домой, снимая тяжелые, пропыленные ботинки и садясь у жарко натопленного камина, я чувствовал абсолютное счастье. Тепло семейного очага согревало мои озябшие на бирже руки, а любовь жены давала силы просыпаться следующим утром в темноте, зажигать лампу и про-

должать строить свой собственный, необыкновенный мир, кирпичик за кирпичиком. Я твердо стоял на ногах, чтобы мой разум мог свободно летать.

Глава 6. Зов Севера (1859 – 1861 гг.)

К лету 1859 года моя жизнь в Париже вошла в четкий, почти механический ритм, напоминающий работу хорошо отлаженного часового механизма. Мне исполнился тридцать один год. Каждое утро я вдыхал запах жженого масла моей настольной лампы, исписывая страницы до восхода солнца, а затем погружался в ревущий, пропитанный табачным дымом и запахом пота котел Парижской биржи. Я научился ценить эту стабильность. Она давала хлеб моей семье, она обеспечивала покой моей любимой Онорине. Но глубоко внутри, под строгим суком моего маклерского сюртука, продолжал жить тот самый одиннадцатилетний мальчишка, который когда-то пытался сбежать в Индию. Моя жажда познания мира никуда не исчезла, она лишь была заперта в душной камере повседневных обязанностей.

Париж в то лето изнывал от жары. Воздух дрожал над раскаленной брусчаткой, пахло нагретым камнем и пылью, которая скрипела на зубах. Я сидел в конторе, чувствуя, как воротничок безжалостно натирает влажную от пота шею, когда дверь распахнулась, и на пороге появился мой друг, композитор Аристид Иньяр. В его глазах плясали безумные искры. Его брат, работавший в судоходной компании, предложил нам два бесплатных билета на пароход, отправляющийся в Шотландию.

Шотландия! Одно только это слово прозвучало для меня как заклинание. В моем воображении мгновенно возникли суровые скалы, свинцовые волны и руины древних замков. Мой прагматичный ум тут же начал просчитывать риски: мне пришлось брать отпуск за свой счет, перекраивать семейный бюджет, договариваться с партнерами. Но решение было принято в ту же секунду, как прозвучало предложение. Мой внутренний компас, годами указывавший лишь маршрут от дома до Дворца Броньяр, бешено закрутился и замер, указывая на Север.

Мы отплыли из Сен-Назера. Я помню тот момент, когда впервые ступил на палубу настоящего морского судна в качестве полноправного пассажира, а не безбилетного юнги. Это был не парусник из моего детства, а современный пароход, воплощение технического прогресса, перед которым я всегда преклонялся. Под моими ногами мелко и ритмично вибрировала палуба — это билось железное сердце машины. Я спустился в машинное отделение. На меня обрушилась стена удушающего жара. Пахло раскаленным металлом, угольной пылью, которая мгновенно оседала на губах горьким налетом, и едким машинным маслом. Оглушительный грохот поршней закладывал уши, но для меня это была симфония человеческого разума, покорившего стихию. Я проводил ладонью по горячим, маслянистым поручням, чувствуя колоссальную мощь, скрытую в этих стальных мускулах.

Выход в открытый океан стал для меня крещением. Бискайский залив встретил нас жесточайшим штормом. Небо слилось с водой в единую серо-свинцовую массу. Корабль швыряло на волнах, как щепку. Я стоял на палубе, вцепившись побелевшими от напряжения пальцами в леер. Ледяной ветер пробирал до костей, рвал одежду, словно пытался сбросить меня за борт. Соленые, тяжелые брызги били в лицо с силой картечи, оставляя на губах терпкий, жгучий вкус океана. Мой желудок сжимался от морской болезни, голова кружилась, но сквозь физические страдания пробивался абсолютный, звериный восторг. Я смотрел на ревущие волны с палубы и понимал: вот она, настоящая жизнь. Никакие книжные описания не могли передать этой первобытной мощи. Я впитывал каждую деталь, каждый оттенок цвета штормового неба, чтобы позже перенести их на страницы своих книг.

Шотландия оглушила меня своими контрастами. После шумного, суетливого Парижа Эдинбург показался мне городом, высеченным из цельного куска темного гранита. Воздух здесь был густым, влажным и пропитанным запахом горящего торфа и угольного дыма — не зря этот город называли «Старым Вонючкой». Мы бродили по узким, мрачным улицам, где

эхо наших шагов отскакивало от высоких каменных стен. Я прикоснулся к шершавой, влажной кладке старинных зданий, и мне казалось, что я трогаю саму историю.

Но настоящее потрясение ждало меня впереди, когда мы отправились вглубь страны, в Хайленд. Мы шли пешком под непрекращающимся мелким, морозящим дождем, который пропитывал насквозь наши шерстяные плащи. Запах мокрой овечьей шерсти смешивался с горьковатым ароматом вереска и сырой земли. Мои ботинки вязли в раскисшем торфянике, мышцы ног горели от усталости, но я не замечал этого. Передо мной открывались пейзажи невероятной, дикой красоты. Изумрудно-зеленые холмы, скрывающиеся в рваных клочьях тумана, черные, пугающе глубокие воды озер. Вечерами мы останавливались в крошечных тавернах. Жар от камина, где трещал торф, обжигал озябшие руки, а глоток местного виски обжигал горло огненной дорожкой, оставляя во рту долгое, дымное послевкусие. В эти моменты, слушая пронзительный, вибрирующий звук волынки, я чувствовал невероятное единение с этим суровым краем. Я понимал, что природа может быть жестокой, но именно в преодолении этой жестокости кроется величие человека.

Особое место в моем путешествии занял спуск в угольные копи. Мы опустились в недра земли в скрипучей, шаткой клетке. Солнечный свет исчез, сменившись абсолютным, давящим мраком, который лишь слегка разгонялся тусклым желтым светом наших предохранительных ламп. В шахте пахло сыростью, затхлой породой и человеческим потом. Воздух был тяжелым, он с трудом проникал в легкие. Я слышал глухие удары кирок, шорох осыпающегося угля и тяжелое дыхание шахтеров. Я провел рукой по стене забоя — она была холодной, влажной и оставляла на коже жирный черный след. Это погружение во тьму, это осознание того, что под землей кипит скрытая от глаз жизнь, глубоко поразило меня. Именно там, в душливой темноте шотландских шахт, зародились образы моего будущего романа «Черная Индия», а позже эти впечатления помогут мне отправить моих героев к самому центру Земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.